

СЛОВО О СТАРШЕМ БРАТЕ

Творчество Максима Богдановича привлекает к себе пристальное внимание литературоведов. После войны в печати появилось несколько публикаций не известных прежде произведений поэта, подготовлено второе, значительно расширенное издание «Збору твораў» (1968) М. Богдановича, опубликован ряд воспоминаний, а также интересных исследований его творчества.

Война не пощадила рукописного архива Максима Богдановича, хранившегося в Академии наук БССР. До недавнего времени мы не располагали почти никакими автографами поэта. Лишь в последние годы обнаружены обрывки его интимного дневника (из архива Язепа Дылы, что хранится в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР), автограф рукописного сборника «Зеленя» и некоторые другие. Поэтому нам дорог каждый факт из творческой и личной биографии поэта, любое свидетельство хорошо знавших его людей.

Наиболее содержательные воспоминания о Максиме Богдановиче написал в 1923 году его отец Адам Егорович. Теперь из многодетной семьи Богдановичей уже никого нет в живых. 5 октября 1968 года в Ярославле умер последний сын Адама Егоровича—Павел Адамович.

Брат поэта родился в Нижнем Новгороде в 1901 году. С 1908 года жил в Ярославле. Математик по призванию и образованию, он всю жизнь преподавал и на протяжении многих лет собирал собственную математическую библиотеку. В последние годы потерял зрение. Но и после этого он активно трудился, участвовал в общественной жизни. К нему неоднократно приезжали исследователи творчества Максима и Адама Богдановичей. Каждому исследователю он стремился помочь в поисках литературного наследия отца и брата.

Павел Адамович заботился о сохранности рукописей отца. Часть их (воспоминания о Е. П. Пешковой, некоторые письма) он отдал самой Екатерине Павловне, остальные в 1958 году совместно со своим братом Николаем (химик-технолог, умер в Ярославле 11 мая 1965 г.) передал Институту литературы имени Янки Купалы Академии наук БССР.

П. А. Богданович вел широкую переписку с людьми, которые интересуются деятельностью его отца и брата. Среди его адресатов была и я. Первое письмо от Павла Адамовича я получила в 1957 году в ответ на мои вопросы к нему. Но наиболее интенсивная переписка между нами завязалась с конца 1964 года, после моей поездки в город Горький к племяннице Павла Адамовича—Наталии Глебовне Кунцевич, которая сохранила рукопись сборника Максима Богдановича «Зеленя». (Рукопись хранится теперь в Государственной библиотеке БССР им. В. И. Ленина).

Многие письма Павла Адамовича содержат интересные фактические сведения. Они ценны прежде всего тем, что это живое слово близкого человека, жившего одной семьей, дышавшего одной атмосферой с Максимом, знавшего интересы, настроения и занятия своего старшего брата. В некоторых письмах Павел

Адамович подсказывает пути поиска литературного наследия Максима Богдановича, обращает внимание на печатные издания, которые, по его мнению, надо тщательно изучить, называет имена людей, хорошо знавших Максима.

Для этой публикации выбраны письма, в которых содержатся наиболее ценные сведения о Максиме Богдановиче, близких ему людях и родственниках, об их литературных и общественных интересах.

Каждое письмо написано под диктовку Павла Адамовича и заканчивается собственноручной подписью: «П. Ад. Богданович». Оригиналы писем хранятся у меня.

Н. ВАТАЦИ

Глубокоуважаемая Нина Борисовна!

Я своевременно получил из Нижнего от своей племянницы Наталии Глебовны Кунцевич Ваше письмо. Очень благодарю Вас за него. Отвечаю Вам с задержкой. Я потерял зрение и сам писать не могу. Это письмо диктую. Я очень тронут Вашим добрым отношением ко мне. Высоко ценю Ваш интерес к творчеству брата и интерес к нашей семье.

За последние два года я потерял связь с Белоруссией. Раньше многие из Минска меня посещали. Через них я просил институт [Институт литературы имени Янки Купалы Академии наук БССР] о выполнении обязательств о высылке копий с воспоминаний [моего отца Адама Егоровича], предназначенных для семьи, а не для публикации*. Но обещания содействия остались безрезультатными. Многие из лиц, которые должны были [...] получить эти воспоминания, уже умерли. О предполагаемом издании я уже раньше получил известие от ярославцев, работающих в области изучения деятельности моего отца. С их слов, воспоминания будут изданы в сокращении (вместо 18 печатных листов на 10 печатных листах). Может быть, для издания это и подходит, но это не то, что, по мысли отца, нужно для его потомства. Поэтому я и другие члены нашей семьи по-прежнему заинтересованы в получении копий с этой рукописи. Обещание, данное Вам Василием Васильевичем Борисенко**, пока не выполнено. Я Вам буду очень благодарен, если Вы возьмете на себя труд продвигать это дело далее.

Вашей библиографии о творчестве брата [Максім Багдановіч. Бібліяграфічны даведнік. Склала Н. Ватацы. Мінск, 1961] я не получил. Мне бы очень хотелось ее иметь. Постарайтесь сделать так, чтобы я ее имел. За все присланное Вами буду Вам душевно признателен.

Ярославский Государственный архив просил меня дать согласие на высылку во временное его распоряжение рукопи-

си моего отца «Население Верхнего Поволжья» для предполагаемого издания в гор. Ярославле. Я подписал соответствующий документ, адресованный директору института [литературы] Янки Купалы Академии наук БССР В. В. Борисенко. Но мне хотелось бы, чтобы Вы подали мысль о большей целесообразности высылки в Ярославль не подлинников, а копий с этих работ. Выполнение этой просьбы оставляю на Ваше усмотрение.

Нина Борисовна, рассчитывая на Ваше доброе ко мне отношение, хочу обременить Вас еще одной просьбой—ознакомить с содержанием прилагаемой к письму моей записки ректора [...] Белорусского] Государственного университета (я не знаю его фамилии и звания)***. Если почему-либо для Вас это неудобно, то очень прошу сообщить мне, как следует адресовать аналогичное письмо.

Вы, наверное, не ожидали, что я буду таким назойливым. Моя слепота, может быть, послужит небольшим извинением.

Поздравляю Вас с Новым годом.

Желаю Вам иметь полноту счастья и успехов в работе.

Уважающий Вас П. А. Богданович.
Мой адрес: Ярославль-31, ул. Юности, дом 9, кв. 48.

Написано под диктовку И. П. Поповой.
Декабрь 1964.

* Рукопись семейной хроники Адама Егоровича Богдановича хранится в Институте литературы Академии наук БССР. В 1965 году институт отпечатал ее в нескольких экземплярах и один экземпляр машинописной копии рукописи передал племяннице Павла Адамовича Наталии Глебовне Кунцевич (живет в гор. Горьком), которая приезжала в мае 1965 года в Минск.

В сокращенном виде эти воспоминания Адама Егоровича опубликованы под заголовком «Мои воспоминания» в книге «Богданович А. Е. Страницы из жизни М. Горького». Минск, «Наука и техника», 1965.

** Обещание прислать машинописную копию воспоминаний А. Е. Богдановича.

*** Письмо на имя ректора Белорусского Государственного университета имени В. И. Ленина, в котором П. А. Богданович предлагал университету свою математическую библиотеку, содержащую много уникальных книг, было передано мной Антону Никифоровичу Севченко в январе 1965 года. †

Глубокоуважаемая Нина Борисовна!

Ваше письмо и бандероль с «Бібліаграфічным даведнікам» получил. Только сейчас имею возможность, и то наспех, продиктовать Вам ответ. Благодарю Вас за письмо, за Вашу отзывчивость и выражаю Вам искреннюю признательность за исполнение тех просьб, с которыми я к Вам обращался.

Рукописей и автографов брата у меня нет. В июле 1918 года от Белорусской рады в Ярославль приезжала комиссия для получения Максимова архива. Отец отказался это сделать. В это время в Ярославле произошел белогвардейский мятеж. Отец заболел, брат Николай был ранен шальной пулей, кругом горело, надо было покидать дом. Сундук с архивом брата я поставил в погреб на лед, и наша семья покинула дом. Дом сгорел в последний день мятежа. Когда горел погреб, лед растаял, сундук погрузился в воду, крышка и верхний слой обгорели. Вода смочила все рукописи. В таком виде сундук был нами извлечен. Судьба комиссии, которую мятеж застал в Ярославле, мне неизвестна. Но когда я с отцом после окончания мятежа отсылав раненого брата по лазаретам, раненый окликнул отца по-белорусски и просил благословить его. Это был один из членов приезжавшей комиссии.

После установления Советской власти в Белоруссии отец передал спасенный архив в Белоруссию. Он был использован при составлении двухтомного собрания сочинений Максима Богдановича. (Во время немецкой оккупации в Минске весь этот архив был утрачен. Приблизительно в это же время отцом были собраны воспоминания о Максиме Богдановиче ярославцев, лично его знавших (например, Дебольского, Имшенника). [Воспоминания Д. Дебольского под загл. «Старонкі ўспамінаў» опубликованы в газете «Літаратура і мастацтва», 1968, 5 февраля]. Не сохранились ли где эти воспоминания? Отец, к сожалению, не оставил их копий.

Сергей Сергеевич Щербаков (сын Сергея Васильевича Щербакова — директора Нижегородской гимназии, основателя нижегородского кружка любителей астрономии, издателя астрономического календаря, покровителя Циолковского в

бытность директором Калужской гимназии) написал воспоминания о нижегородском периоде жизни моего отца и брата. Он ровесник Максима. Я рекомендовал Пширкову Ю. С. из Института литературы получить от Щербакова эти воспоминания. Не знаю, что в этом отношении было сделано. С июля месяца я со Щербаковым не имею связи, не знаю даже, жив ли он. Хотел Вам написать его адрес, но не смог отыскать его последнее письмо с новым адресом [...].

Архив второй жены отца Александры Павловны передан мною ее сестре Екатерине Павловне Пешковой. Переписку ее я передал не читая. Имеются ли в них какие-либо упоминания о Максиме [...], разобран ли Екатериной Павловной архив, я не знаю. Обращался ли к ней институт, мне тоже неизвестно [...].

Приезжавшие из Минска знакомились с архивом местной газеты «Голос», где сотрудничал Максим. Но, по моему, делалось это скоропалительно и поверхностно, хотя кое-что они нашли.

Максим сотрудничал в журнале «Сатирикон», издаваемом Аркадием Аверченко. Но сохранился ли этот архив? Я многим рекомендовал обратить внимание на этот архив. Мною был передан Институту литературы номер газеты «Гродненские ведомости»*, в котором напечатан рассказ матери поэта. Меня интересует, в сохранности ли он там находится. Выясните это, пожалуйста.

Я намерен передать некоторые личные вещи отца и брата и их фотографии в какой-либо музей. Я обратился к Петрусью Бровке за советом, как это целесообразно сделать.

Работ Гринчика [Грынчык М. Максим Багдановіч і народная паэзія. Мінск, Дзяржвыд БССР, 1963] и Барсток [Барсток М. Максим Багдановіч. Нарыс аб жыцці і творчасці. Мінск, Вучдэпвыд БССР, 1961] я не имею. Мне бы очень хотелось иметь пластинки [с романсами] на слова брата. Но как жаль, что я не знал о возможности получить их при Вашем содействии ранее. Недавно в Минске был доцент ярославского пединститута, который ездил для ознакомления с работами отца. Вот была бы хорошая оказия!

Копии семейной хроники я еще не получил. Принялись в институте за печатанье? Хотелось бы ускорить разрешение вопроса о передаче моей библиотеки Минскому университету. Если университет от нее отказывается, то Вы, может быть, передадите мое предложение в какую-либо другую библиотеку города Минска. Простите, что опять затрудняю Вас просьбой.

С сердечным приветом Вам

П. Ад. Богданович.

09.1.65.

Максим Богданович.
Скульптура А. Грубе.

* «Гродненские губернские ведомости», 1893, № 102. В газете помещен рассказ Марии Афанасьевны Богданович «Накануне рождества» за подписью «М. Б.»

Глубокоуважаемая Нина Борисовна!

Я получил Вашу бандероль. Большое спасибо за присланное и за все, что Вы делаете для меня. Из Минска я получил уведомление о том, что университет командировует ко мне сотрудника для ознакомления с библиотекой. В марте должен приехать в Ярославль доцент Анатолий Семенович Феденко [...]. Не смогли бы вы использовать его поездку для пересылки мне пластинок и других материалов, связанных с братом Максимом?

Семейной хроники я еще не получил от института. Вот как обманывают, и не в первый раз.

С глубоким уважением Ваш

П. Ад. Богданович.

2 марта 1965 года.

Глубокоуважаемая Нина Борисовна!

Я получил Ваши два письма и бандероль с журналом «Маладосць». Глубоко опечален Вашей болезнью. Желая Вам скорейшего и полного выздоровления. От

души благодарю Вас за все, что Вы для меня делаете. За присылку пластинок буду Вам очень благодарен—не знаю только, как мне с Вами рассчитываться.

Жалко, что я не могу не только прочитать Вашу статью, но даже рассмотреть напечатанный материал. Человека, читающего по-белорусски, у меня нет. Мне могли дать только внешнее описание Вашей публикации.

Не знаю, верно ли мне перевели Ваше сообщение о том, что мой старший брат Вадим умер в Ярославле в 1908 году. Если это так, то это неверно. Он умер в Нижнем Новгороде, там же похоронен на кладбище, которое теперь не существует. Сохранились два дерева, стоявшие над его могилой. Брат Вадим был социологом, публицистом, увлекавшимся Михайловским. В одно время с Яковом Свердловым он был вожаком учащейся молодежи в Нижнем. В 1905—1906 гг. он принимал активное участие в ее движении. После этого мои братья были исключены из гимназии (брат Максим взорвал бомбу в здании гимназии).

Когда Вадим умер,* полиция, боясь волнений, приказала отцу хоронить брата ночью. День похорон хорошо сохранился в моей памяти. Перед домом собралась огромная толпа, много учащихся в гимназических шинелях, дом оцеплен пешей и конной полицией, в квартиру допускаются только лица, приносящие венки. Картина жуткая. Отец выходит на улицу и просит собравшихся не нарушать порядка похорон. Отец возвращается с группой гимназистов, которые выносят гроб. Дальше я ничего не знаю. Хоронил брата один отец, все родные оставались дома.

Брат Вадим имел связь с Германом Лопатыным (переводчик Карла Маркса, человек близко его знавший). К сожалению, публицистические работы брата Вадима и его переписка сгорели во время белогвардейского мятежа в Ярославле. Случайно сохранилось лишь одно письмо Германа Лопатына и одно письмо Николай-он'а [адресованное Вадиму]. Эти письма я передал Екатерине Павловне Пешковой—она хотела передать их в Институт Карла Маркса [Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК КПСС]. Имеются воспоминания моего отца о Екатерине Павловне Пешковой. Эта рукопись передана мною самой Екатерине Павловне в ее полное распоряжение. Там имеются сведения об участии Вадима в Московском восстании около [?] Максима Горького.

От института я пока копии рукописи не получил. Разрешите еще раз побеспокоить Вас своей просьбой.

Когда Вы поправитесь и будете иметь возможность, выясните, пожалуйста, в Институте белорусской [литературы Академии наук БССР]: 1. Сохранился ли у

них экземпляр газеты «Гродненские (губернские) ведомости» с рассказом матери Максима (подписан инициалами М. Б. [Мария Богданович]), который я туда передал. 2. Возвратилась ли в институт рукопись отца «Речные и озерные названия Верхнего Поволжья». 3. Исполнит ли институт свое обязательство относительно передачи мне копии рукописи с родовой хроникой. 4. Петрусь Бровка сообщил мне, что он договорился в Минске с [Белорусским Государственным] краеведческим музеем о приобретении у меня некоторых вещей отца и брата. По его словам, музей должен был меня об этом уведомить. Этого уведомления я до сих пор не получил. Вещи я не намерен продавать и готов передать их музею безвозмездно.

Простите, что я отягощаю Вас своими просьбами, но Вы единственный и надежный у меня посредник. Может быть, это послужит извинением моей бессознательной эксплуатации.

С совершенным почтением

П. Ад. Богданович.

19 марта 1965 года.

* Вадим Богданович родился в Минске в 1890 г. и прожил еще меньше, чем Максим. Он умер от туберкулеза в 18-летнем возрасте в Нижнем Новгороде. Жизнь его протекла бурно. Он был начитанным и способным юношей, пламенным оратором, участником революционного движения 1905—1907 гг. в Нижнем Новгороде.

Вадим был хорошо знаком с революционером, учеником Н. Г. Чернышевского и первым переводчиком «Капитала» К. Маркса на русский язык Германом Лопатиным и даже написал биографию Лопатина. (Об этом говорится в сохранившемся письме Г. Лопатина к Вадиму Богдановичу). Полиция опасалась, что похороны Вадима Богдановича вызовут волнение среди революционно настроенной молодежи Нижнего Новгорода.

Глубокоуважаемая Нина Борисовна!

Сейчас получил Ваше письмо и пользуюсь представившейся возможностью продиктовать Вам беглый ответ.

Буду отвечать в порядке Ваших вопросов.

Я имел в виду только причастность Максима к взрыву бомбы в здании гимназии. Самым достоверным могут быть только воспоминания моего отца. Суть эпизода в следующем. Идут сумбурные собрания гимназистов. Вадим Богданович [старший брат Максима]—главный оратор. Выступает он с ворохом книг. Когда цитаты не действуют на аудиторию, то тома Михайловского летят на головы слушателей. Всему этому свиде-

тели младшие братья Максим и Лев (мой любимый брат, обладавший замечательными математическими способностями), самый одаренный из нашей семьи. Лев говорит Вадиму: «Что ты бросаешь книги, вот мы в следующий раз покажем, как надо вразумлять». В кавычках я передаю только смысл сказанного. Инициатором бомбы был, конечно, Лев. Без участия Льва дело изготовления бомбы не могло обойтись. Крылов—его товарищ. Так своеобразно младшие братья помогали старшим.

Мне неизвестно, печатал ли брат Вадим свои работы, но возможно, что печатал под псевдонимом. Рукописи брата были сложены в сундук саквояжного размера. Знаю только, что им была написана биография Германа Лопатина. Каким-то путем он хотел ее издать и запрашивал на это разрешения у самого Лопатина. Это видно из письма Лопатина к брату (из того письма, которое я передал через Екатерину Павловну Пешкову в Институт Карла Маркса [Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК КПСС]).

С Яковом Михайловичем Свердловым Вадим, конечно, был знаком, но в то время это был просто «Яшка», с которым брат спорил и боролся за влияние на молодежь.

Эпизод «Вадим в Москве» известен мне только из воспоминаний отца об Екатерине Павловне Пешковой. Там он об этом вспоминает мимоходом [...] Рукопись [этих] воспоминаний [Адама Егоровича о Е. П. Пешковой] я передал Екатерине Павловне с тем, чтобы она распорядилась ею по своему усмотрению. Хорошо бы добиться ее согласия на передачу рукописи в Институт Белорусской культуры [в Институт литературы Академии наук БССР] и на ее опубликование.

В 1906 г. жизненные пути отца и Максима Горького разошлись. Переписка между ними возобновилась только в конце 20-х годов (точно не помню). Литературная деятельность Максима протекала в период, когда отец не переписывался с Алексеем Максимовичем. Отец никогда не обращал внимания Горького на творчество [моего] брата, это мне хорошо известно.

На Украине рукописи Максима следует искать. Вы правы, с Украиной у него были тесные связи, туда писал он много.

Я приветствую издание Вами альбома и, чем могу, буду помогать. [Альбом издан в 1968 г. (Максим Богданович. Жыццё і творчасць. Матэрыялы для выстаўкі ў школе. Склалі Н. Ватацы і А. Лойка. Мінск, «Народная асвета», 1968)].

Перепечатка текста рассказа Марии Богданович мне не нужна. Меня только беспокоит, сохранился ли экземпляр газеты в И-те [Институте литературы АН

БССР] и известна ли цель его сохранения.

Под Ярославлем, в имении Николая Морозова, имеется научно-исследовательский институт, связанный с изучением озер и рек (точного названия не помню). В очередном сборнике трудов этого института проектируется публикация одной из работ отца [...]. Мне известно, что по просьбе Института Ярославский архив затребовал рукопись из Института белорусской культуры [Института литературы Академии наук БССР], на что я дал согласие. Вас я тогда просил подсказать Институту, что лучше было бы выслать в Ярославский архив не самую рукопись, а копию с нее.

Мне сообщили, что архив рукописей получил и собирается снять с нее фотокопию. Мне необходимо проследить, чтобы рукопись была возвращена в Белоруссию*.

От Краеведческого музея я до сих пор не получил предложения о передаче ему вещей отца и брата.

Я получил письмо от А. С. Феденко о том, что он получил пластинки для меня. Он сообщает, что придет ко мне 12 апреля. Благодарю за посылаемое.

Желаю Вам здоровья и хорошей трудоспособности.

С сердечным приветом

П. Ад. Богданович.

Р. С. Нет ли в Минске в продаже белорусских детских платьев для моей любимой 4-летней внучки? Если есть, то сколько они стоят?

[26 марта 1965 г. (по штемпелю на конверте)].

* Рукопись работы А. Е. Богдановича «Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы» возвращена в Институт литературы им. Я. Купалы АН БССР. Работа издана в Ярославле под заглавием — **Язык земли. Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы. Этнографический очерк по данным водо-речной номенклатуры и другим материалам.** Вступ. статья, примеч. и науч. ред. А. Б. Дитмара. Ярославль, Верхне-Волжское Кн. изд-во, 1966.

Глубокоуважаемая Нина Борисовна!

Вы уже знаете, что умерла Екатерина Павловна Пешкова. Я эту смерть очень тяжело переживаю. В своем теперешнем состоянии я не мог поехать на похороны, и это меня очень огорчает.

Из всей нашей семьи я более всех был с нею связан. Долгое время я у нее жил. Я назван Павлом в честь ее отца, которого она очень любила. Может быть, этим объясняется ее расположение ко мне. В моей жизни она очень многое де-

лала для меня. Дважды даже обращалась по моим делам в Политбюро ЦК партии. Я пользовался ее доверием и платил ей полной откровенностью.

Это был удивительный человек, женщина необычайного ума. Максим Горький ей многим обязан. В будущем ее имя будет блистать.

Прием у Екатерины Павловны в 1919 г. Екатерина Павловна задерживается по делам Политического Красного Креста, во главе которого она стояла по просьбе Владимира Ильича Ленина. Михаил Константинович Николаев говорит собравшимся, что Екатерина Павловна извиняется за опоздание, но уже вышла. Приехав, Екатерина Павловна проходит к себе в будуар, чтобы переодеться. Затем раздвигается портьера, появляется Екатерина Павловна с царственной осанкой. В это время английский посол наклоняется к уху французского посла и говорит: «Вот кого бы в русские императрицы!»*

Ее ум мог бы казаться холодным, но это происходило от того, что она умела скрывать и никому не показывать своих чувств.

Она облегчала жизнь многим тысячам людей, но терпеть не могла благодарностей. Ее переживания были незаметны другим.

Когда у нее умер сын Максим, я не мог быть на похоронах, ездил один отец. Потом он мне рассказывал, что Алексей Максимович причитал, как деревенская кликуша, а Екатерина Павловна, которая переживала не меньше, словно окаменела.

Когда в 1939 году я возил отца в Нижний, тогда мы там узнали, что кладбище, на котором похоронена умершая от менингита в 1906 г. дочь Горького Катя, будет уничтожено.

Обратно мы возвращались через Москву и сказали об этом Екатерине Павловне. Она в тот же день вечером выехала в Нижний, чтобы перенести на новое место могилу дочери. Меня удивило тогда, что она имела мужество присутствовать при вскрытии гробика.

Читали ли Вы книгу «Крылья Буревестника» (автора не помню)?

Екатерина Павловна очень любила природу. Ее страстью были цветы, особенно полевые. Она жила в цветах. На даче целый угол сада был отведен мальчикам — любимому цветку Алексея Максимова.

Федор Иванович Шаляпин из заграницы прислал ей свою фотографическую карточку с надписью: «Привет полям родины». Видно, что образ Екатерины Павловны ассоциировался у него с образом поля. Никто лучше ее не мог бы передать этот привет.

Моя самая ранняя память: Алексей Максимович арестован. Екатерина Павловна живет у нас. Узенькая комната-

коридор. У задней стенки во всю ее длину сундук, на котором устроена постель для Екатерины Павловны. Солнечное утро. Комната полна света. Спустив ноги, с распушенными волосами, сидит Екатерина Павловна. Мне два или три года. Я играю у ее ног. Я смотрю снизу вверх на ее освещенное солнцем лицо. Почему-то у меня это впоследствии сочеталось с воспоминанием картины [И. Е. Репина] «Царевна Софья».

Теперь на Ваш запрос о братьях. Брат Лев — замечательный математик. Если бы он был жив, то это был бы гениальный математик. В 6 классе он знал математику в объеме университетских курсов. Любые задачи решал с необычайной легкостью. В журнале «Вестник опытной физики и элементарной математики» за 1911, 1912 и 1913 годы его фамилия значится в числе решивших почти под каждой задачей. Особенно он отличался тем, что многие задачи, относящиеся к высшей математике, он мог решать совершенно элементарным способом. Так им были предложены элементарные решения во многих задачах Эйлера из вариационного исчисления, но его решения не сохранились. У меня имеется лишь составленный им конспект лекций проф. Д. Ф. Егорова по факультативному курсу «Теория инвариантов бинарных форм». Сейчас этим конспектом заинтересовался Московский университет. По совету академика Д. Е. Меншова я этот конспект передал академику Павлу Сергеевичу Александрову (хочу его переслать с Феденко, когда он будет возвращаться от меня в Минск через Москву). В своем письме ко мне адм. Меншов пишет: «Я хорошо помню Вашего брата, он был очень талантливым математиком. Очень жаль, что он рано умер». Через него я заинтересовался математикой и пошел по его следам. Вообще математические способности преобладают в нашем роду.

По мнению отца, они наследуются нами от его матери, урожденной Анели Осмак. Нюта Гапанович** также обладала хорошими способностями к математике.

Рано умерший от туберкулеза (27 лет) мой младший брат Алексей был замечательным художником-пейзажистом. [Он] отличался большой наблюдательностью и юмором. Тяжело переживал сознание своей преждевременной смерти.

На одном году с отцом умер и младший брат Вячеслав от туберкулеза.

Самый младший брат Роман умер от воспаления легких 4-х лет в 1917 г. Отец считал его самым способным из всех своих детей.

Кроме Вадима, Максима и Льва от первой жены Марии Афанасьевны четвертым ребенком у отца была дочь Нина, которая умерла нескольких месяцев.

От Александры Павловны был сын

Шурик, стоивший жизни матери. Его взяла к себе Екатерина Павловна (Пешкова) и растила до 4-х лет. Умер он у нее в Крыму от дизентерии.

Брат Николай — химик-технолог по званию. Считается большим специалистом. Заведует лабораторией завода резинотехнических изделий. Он уже мог уйти на пенсию, но незаменимость удерживала его на работе. С юности он болен туберкулезом. Всю войну был на фронте в тяжелых условиях, но все вынес. Сейчас он вот уже два месяца болеет, лежит в больнице. Нас очень беспокоит его состояние.

Забыл сказать: дня за четыре до смерти Екатерины Павловны радио из Иерусалима сообщило, что израильское правительство на одной из священных гор разводит лес, который будет назван именем Екатерины Павловны Пешковой. Не знаю, сообщили ли это ей перед смертью.

Директору Института белорусской литературы В. В. Борисенко я написал письмо следующего содержания: «Одну из рукописей моего отца А. Е. Богдановича я не сдал для хранения в Институте. Это воспоминания отца о частной семейной жизни семьи Пешковых и о родственных связях отца с этой семьей. Рукопись касается многих неизвестных фактов из жизни М. Горького и его жены Е. П. Пешковой. Это те воспоминания, которые я считал невозможным при жизни Екатерины Павловны без ее разрешения оглашать. Эту рукопись я лично передал в руки Екатерины Павловны с указанием поступить с нею по своему усмотрению. Она мне сказала, что, ознакомившись с рукописью, она решит, хранить ли ее в личном архиве, или передать на хранение в Институт им. Горького. Как она распорядилась, мне неизвестно. Позднее я ей же передал для хранения в личном архиве шкатулку с перепиской отца с Александрой Павловной Волжиной — будущей женой отца и сестрой Екатерины Павловны. Сейчас, после смерти Екатерины Павловны Пешковой, меня беспокоит судьба рукописи».

Не следует ли Институту принять меры к розыску этой рукописи, чтобы получить ее для дальнейшего хранения в Институте, хотя бы в виде фотокопии.

Настоящим письмом я даю на это свое согласие». Нина Борисовна, я хочу попросить Вас позондировать [почву] в Институте, как Институт отнесется к этому моему письму.

С Анатолием Семеновичем Феденко я отправляю Вам свою рукопись с краткой биографией моего отца. Я составил биографию, когда был еще зрячим. У меня она в единственном экземпляре. Мне хотелось бы, чтобы Вы эту рукопись дали для снятия копии Институту белорусской литературы и Государственному музею.

Может быть, они могли бы мне хоть немного заплатить, но это не обязательно.

В Государственный музей я писал: «Московским художником Панковым был написан в красках большой портрет моего отца А. Е. Богдановича. Портрет замечательный и как портрет и как произведение живописи. Жена художника Ольга Андреевна Постникова-Панкова не хотела до своей смерти расставаться с этим портретом. Чтобы теперь напасть на следы этого портрета, мне посоветовали обратиться за содействием к долголетнему сотруднику Союза художников СССР Суслову Дмитрию Степановичу. Мое обращение вернулось мне обратно за смертью адресата.

Мне хотелось бы привлечь музей к розыску этого портрета.

Художник Панков жил и умер в конце 30-х годов в Малаховке под Москвой.

Самому мне при моей слепоте трудно заниматься розыском портрета».

С А. С. Феденко я перешлю Вам возвращенное мне мое письмо к Сулову, во-первых, для того, чтобы Вы передали его Государственному музею, а, во-вторых, для того, чтобы Вы, показав его в Институте, заинтересовали и Институт поиском портрета.

Простите меня за то, что я так безбожно эксплуатирую Ваше доброе ко мне отношение.

С сердечным приветом

П. Ад. Богданович.

5 апреля 1965 г.

* Павел Адамович передает здесь рассказ отца.

** Нюта (Анна Ивановна) Гапанович—двоюродная сестра Максима Богдановича, жила в Нижнем Новгороде. Накануне первой империалистической войны училась на отделении математики и астрономии Высших женских курсов в Москве. Максим Богданович посвятил ей рукописный сборник своих стихов «Зеленя», в который включил 22 своих стихотворения в авторском переводе на русский язык. (Подлинник рукописи этого сборника обнаружен в 1964 г. и хранится в Государственной библиотеке БССР им. В. И. Ленина).

А. И. Гапанович умерла накануне Великой Отечественной войны, 24 мая 1941 г. Дочь ее Катя (Екатерина Евгеньевна Селивановская)—геолог, живет в настоящее время в Ленинграде. Сохранилась переписка Анны Ивановны Гапанович с родной сестрой Верой Ивановной Кунцевич. Письма эти хранятся в Государственной библиотеке БССР им. В. И. Ленина. В некоторых упоминается имя Максима Богдановича, которого она называет кузеном, а иногда «каторжником». В одном из писем Анна Ивановна приводит строки из понравившихся стихов Максима.

Глубокоуважаемая Нина Борисовна!

Были у меня 12 апреля научные сотрудники Минского университета для ознакомления с библиотекой. Они могли быть в Ярославле всего лишь несколько часов.

Оказалось, что Анатолий Семенович Феденко не возвращается сразу в Минск, а едет в Бухарест.

Несмотря на то, что в Москве он мог быть от поезда до поезда всего лишь несколько часов, он любезно согласился сходить в МГУ и передать академику П. С. Александрову некоторые рукописи брата Льва. Нагружать его еще поручениями, к тому же при большой спешке, я не считал возможным. Поэтому биографию отца и письмо я постараюсь отправить Вам почтой. В предыдущем письме я не написал вот о чем.

Примерно в 1911 году брат Максим много работал над составлением Белорусской азбуки. В его руках я видел вполне подготовленную, сброшированную рукопись азбуки, в надлежащем формате, с отдельными страницами, с надлежащим шрифтом. Шрифты различных калибров были выполнены черной тушью, подклеены были цветные картинки, выполненные цветной тушью. Кто оформлял это, я не знаю, но могу предполагать, что картинки тушью могли быть сделаны Павлом и Борисом Гапановичами, которые хорошо рисовали тушью. На получаемых от них письмах всегда имелся цветной орнамент.

Максим показывал мне картинки в своей азбуке. Была ли отправлена рукопись для издания, я не знаю, мне ничего не известно о ее судьбе. Не предполагала ли ее издать наша «Нива» [«Наша нива»]?

Максим очень часто держал в руках книгу, изданную в Ярославле издательством Некрасова. Книга была толстая, страниц на 400. Это был сборник частушек, не знаю, только ли великорусских. По-моему, Максим принимал какое-то участие при составлении этого сборника.*

Ни от Института, ни от музея пока ничего не имею.

Благодарю за присланные пластинки, не знаю только, как с Вами расчитаться.

Примите уверения в совершенном почтении.

П. Ад. Богданович.

17 апреля 1965 г.

*. Книга частушек, о которой пишет Павел Адамович, издана в 1913 году. **В. И. Симаков.** Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. С приложением нот и подробного библиографического указателя литературы.

Ярославль, изд. собирателя, тип. К. Ф. Некрасов, 1913, 672 с.).

В. И. Симаков—составитель нескольких сборников русских частушек (из которых два изданы в 1912 и 1913 гг. в Петербурге) и автор работы «Несколько слов о деревенских припевах-частушках...» (СПБ, 1913).

В книгу, изданную в Ярославле, вошли только русские частушки. Среди лиц, которые помогали автору сбором частушек, М. Богданович не указан. Заинтересованность его этой книгой объясняется, видимо, содержанием сборника, ибо поэта живо интересовала народная поэзия. О том, что М. Богданович хорошо знал частушки, собранные и изданные И. В. Симаковым, свидетельствует тот факт, что некоторые мотивы помещенных в сборнике частушек поэт использовал в своих стихах.

Стихотворение М. Богдановича

На Лявонавай кашулі вышыты
галубкі,
Я за тое вышывала, што цалуе губкі.

На Сямёнавай кашулі вышыты
лісточкі,
Я за тое вышывала, што цалуе вочкі.

На Сапронавай кашулі
вышыты падкоўкі,
Я за тое вышывала, што цалуе броўкі.

Частушкі

I

На платочке вышивала
Голубую беечку;
Говорят, из-за меня
Сулится на побывочку.

II

На платочке вышивала
Буквы да короночки,
Вышивала, да и думала:
Отдам миленочку.

III

На полотняном платочке
Вышивала азиком; Вышивала
метку—букву «А»)
Не подарком завлекала—
Завлекала глазиком.

IV.

Я за что люблю Ивана?
За лицо бело, румяно;

Я за что люблю Васеньку,—
За походочку частеньку;

Я за что люблю Феденьку,—
За походочку реденьку;

Я за то люблю Коленьку,—
За походку модненьку;

Я за то люблю Мишутку,—
Принимает всяку шутку.

Безусловно, заинтересовала М. Богдановича и библиография «Список литературы о частушках», помещенная в конце книги В. И. Симакова. В этой библиографии, составленной с помощью известного этнографа и библиографа Д. К. Зеленина, указано несколько книг по белорусской этнографии и фольклору.

1. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. Заметки по белорусской этнографии—«Живая старина», 1894, вып. 1.

2. МАТЕРИАЛЫ по этнографии Гродненской губернии. Вильна, 1912, вып. 2.

3. НИКИФОРОВСКИЙ Н. Я. Белорусские песни-частушки. Вильна, изд. Виленского учеб. округа, 1911, 2356 текстов.

Книга В. И. Симакова «Сборник деревенских частушек» есть в Государственной библиотеке БССР им. В. И. Ленина в фонде книг Н. А. Янчука. На экземпляре библиотеки автограф: На добрую память глубокоуважаемому Николаю Андреевичу Янчуку от автора. 5 декабря 1913 г.»

Глубокоуважаемая Нина Борисовна!

Примите мое запоздалое поздравление с майским праздником возрождения. У древних римлян майский праздник был праздником богини Флоры. Отец всегда требовал от нас хорошего знания древнегреческой мифологии, она живет в моей душе.

Около меня не было человека, которому я мог бы своевременно продиктовать Вам письмо с поздравлением. Мой брат Николай в тяжелом состоянии. Вот уже больше двух месяцев моя жена Августа Ивановна круглосуточно находится около брата.

Вашу посылку я получил. Благодарю за все присланное. Внучке Марильке юбочка очень понравилась, она тут же ее надела. От дочери Ирины у меня есть родная внучка Татьяна (18 лет) и внук Владимир (14 лет). Марилька же вторая дочь моего приемного сына Виктора. Она-то и покорила сердце деда. Девочка очень умная, не по летам серьезная, с ней можно разговаривать как со взрослым человеком. При [небольшом] объеме жизненных знаний она опережает в своем развитии более взрослых детей. Как никто из взрослых, она понимает мое состояние слепого человека. Взрослые забывают о моей слепоте, а она всегда способна войти в мое положение. Самым упорным образом направляет меня в больницу лечить «глазки».

Говорит: «Дедушка, я вырасту большая, буду с тобой жить и водить тебя за ручку». Большой трезвый ум ее сочетается с богатейшей фантазией. Она часами может играть в воображаемом мире. Дедушку очень любит, но своих чувств не показывает на людях. Любит порядок и чистоту, для каждой вещи у нее свое место, на платье—ни одного пятнышка. Страшно любит делать все сама. Следит за тем, чтобы дедушка был выбрит. Она приносит мне много радости.

Был у меня представитель Государственного краеведческого музея БССР Александра Георгиевна Венькович. Она была в Ярославле с 20 по 26 апреля. Я сдал для музея 50 предметов. Я дал ей Ваш адрес, она должна обратиться к Вам за некоторыми консультациями.

Получили ли Вы биографию моего отца, я Вам давно ее выслал? Ни от Института, ни от Издательства ответа я не получил на свои письма о материалах, хранящихся у Е. П. Пешковой. Вчера получил письмо от А. С. Феденко и Воднева. Они вернулись из Румынии, сообщают, что перед ректором университета ставят вопрос о приобретении библиотеки, но для этого надо получить специальный кредит от министерства.

Посылаю стихи, посвященные моему отцу (они не попали под руку, когда разбирала архив А. Г. Венькович), можно их передать Гос. музею, но мне думается, [лучше] Институту, где хранится переписка отца. Автор—ярославский поэт Лобковский (не он ли сотрудничает в «Крокодиле»?)...

Пишите, как Ваше здоровье.

Уважающий Вас

П. Ад. Богданович.

7 мая 1965 г.

Глубокоуважаемая Нина Борисовна!

Начну со скорбной вести—11 мая в 22 ч. после продолжительной и тяжелой болезни скончался мой брат Николай. Хоронили его 14 мая. Хоронили с большими почестями, было много народа и венков.

Из моего поколения в нашем роду из 21 человека в живых теперь остался только один я. Не имею сведений, получили ли Вы то мое письмо, в котором я извещал Вас о получении мною Вашего ценного письма и выражал Вам свою большую благодарность за присланное.

Я просил это письмо отправить заказным, письмо большое.

Получил письмо из Нижнего Наталии Глебовны Кунцевич, в нем она писала о своем пребывании в Минске.

На днях в Ярославль приезжала экскурсия из Минска (34 человека), меня навестила депутация из 4-х человек. Все они Вас хорошо знают. Среди них был

Лойко, который в будущем году издаст книгу о Максиме*.

Удалось ли Вам что-либо сделать с биографией моего отца?

Меня беспокоит то, что институт (Институт литературы АН БССР), видимо, не собирается ничего предпринять для розыска рукописи отца с его воспоминаниями о семье Пешковых.

После возвращения из Румынии 30 мая А. С. Феденко сообщил мне, что университет решил приобрести мою математическую библиотеку, о чем будет возбуждено ходатайство перед министерством.

Я не имею никаких сведений о том, как продвигается дальше это дело, которое мне хотелось бы, по многим мотивам, закончить. Не смогли бы Вы напомнить об этом непосредственно самому ректору университета. Был бы Вам за это очень благодарен.

Если бы с университетом дело не вышло, то нет ли в Минске других библиотек, вновь создаваемых, которым было бы целесообразно предложить мою библиотеку. [Белорусский государственный университет приобрел математическую библиотеку П. А. Богдановича].

По гимназии я имел товарища Василия Михайловича Синецкина. Его в то время поддерживала его бывшая учительница по начальной школе Ольга Осипова. Тогда он мне говорил, что у Ольги Осиповой имеются письма и стихи моего брата Максима.

Как Максим был с нею знаком, я не знаю. Очевидно, в 20-х годах она жила в Ленинграде. Василий Михайлович Синецкин мне сказал, что Ольга Осипова умерла, но после нее осталась в Ленинграде дочь. Может быть, у этой дочери сохранились автографы Максима. Разыскать ее можно только через Синецкина, который живет в Полтаве, или через его сына Евгения, который живет давно в Ленинграде. Сообщаю адрес Вас. Михайлов. Синецкина: Полтава, ул. Короленко, д. 16, кв. 8.

Штрихи.

Максим читал и писал большей частью лежа на кровати.

Максим уехал в Минск, когда мы жили на Сенной площади в доме Сотской. После его отъезда весь пол его комнаты толстым слоем был покрыт испанской им бумагой. Все это было откудато им выброшено. Помню, как я был поражен этим количеством израсходованной бумаги. Моя мать и мои меньшие братья нагружали этой бумагой деревянный ящик и с его помощью выносили ее на сгалку во двор.

Максим очень любил все романсы Глинки. Его мать любила петь романс Глинки «Дивный терем стоит и хором много в нем». Очень любил Максим полонез Огинского. Нравилась ему «Элегия» Масне (во всяком случае, в испол-

нении Шаляпина). Очевидно, от матери ему передалась любовь к хору девушек из «Аскольдовой могилы» Верстовского. В семье долгое время хранились ноты к этому хору, принадлежавшие матери Максима.

В еде Максим был неразборчив. Трудно сказать, какие блюда были любимыми, какие нет.

Вечер. Максим сидит в комнате двоюродного брата Петра Ивановича Гапановича. Они о чем-то спорят. Петя хладнокровен. Максим горячится и, как всегда в споре, крепко прижимает обе ладони к груди.

Отец очень интересовался философией Владимира Соловьева. Под влиянием интереса отца к Соловьеву даже я, 15-летний мальчонка, пытался постигать полное собрание Соловьева. Каков был интерес у Максима, я не знаю. Мы, младшие братья, приставали к Максиму, чтобы он нам декламировал стихотворение Владимира Соловьева «Известно, что черти хотят моей смерти...» Он вкладывал в это стихотворение какое-то свое понимание, нам же оно казалось просто юмористическим.**

[В] последние годы жизни Максима в Ярославле в нашей семье был какой-то повышенный интерес (особенно у отца и Петра Ивановича) к Анатолю Франсу. С нетерпением ожидали издания переводов. Максим всегда читал и потом спорил с Петей, который был большим поклонником Франса.

Шлю Вам сердечный привет.

П. Ад. Богданович.

8 июня 1965 г.

* Лойка А. Максим Багданович. Минск, «Навука і тэхніка», 1966.

** Упомянутое Павлом Адамовичем

стихотворение Владимира Соловьева называется «Das ewig-weibliche [Вечно женственное]. Слово увещательное к морским чертям»).

Павел Адамович имеет в виду вторую строфу стихотворения:

Ясно, что черти хотят моей смерти,
Как и по чину прилично чертям.
Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
Вам я себя на съеденье не дам.

Дорогая Нина Борисовна!

Александр Николаевич [(Алесь) Бачила] привез мне в Ярославль Ваше письмо и посланные Вами номера журналов. Очень Вам благодарен за присланное. Буду ждать от Вас присылки воспоминаний о брате из газеты 20-х годов. * Меня они очень интересуют.

Книгу переводов на украинский язык** мне прислали из Харькова, так что Вам нет необходимости ее для меня доставать.

Имел намерение написать Вам тотчас же после отъезда Александра Николаевича из Ярославля, но через несколько дней после этого заболел воспалением легких. Собирался уже отправиться в путь к праотцам. Болею еще и сейчас — сильно ослабел и одряхлел.

Благодарю Вас за Ваше внимание ко мне.

Уважающий Вас

П. Ад. Богданович.

* Л. З-ц (Лявон Заяц). Максим Багданович. (Успаміны к 8 угодкам смерці). — газ. «Іскра» (аднаднёўка), Вільня, 1925, 31 траўня.

** Богданович М. Лірыка. Пер. з білоруської. Київ, «Дніпро», 1967. 171 с. (Перлини світової лірики).

